

УДК 930.2

А. С. Махов

МЕЖДУ ПРОФЕССИЕЙ И ПУБЛИКОЙ: ЭВОЛЮЦИЯ ДВИЖЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКЕ¹

Рассмотрено появление и развитие движения публичной истории в Америке. Основное внимание уделено изучению идей и подходов в публичной истории, которые доминировали в разные периоды ее существования, а также выявлению факторов, обусловивших изменение трендов в этом течении. Показано, что со времени появления публичная история претерпела значительную трансформацию, продвинувшись от идеи профессионализации неакадемической истории к идее совместного конструирования прошлого историками и публикой.

This article examines the origins and development of the public history movement in America. Special attention is paid to analysing ideas and approaches dominant at different stages of its development and identifying factors behind changes in major trends. It is shown that public history has undergone significant transformations abandoning the idea of professionalising non-academic history for that of collaborative structuring of the past by historians and the general public.

Ключевые слова: публичная история, НСПИ, вовлеченная история, историография, Америка.

Key words: public history, NCHP, engaged history, historiography, America.

Одной из областей знания, которая все активнее берет на себя осмысление исторической проблематики, сегодня является публичная история [1; 2]. Деятельность публичных историков получила широкий размах и сегодня прочно встроена в жизнь американского общества [3]. Количество и разнообразие инициатив, реализуемых под эгидой публичной истории [38], не может не удивлять — от индивидуальных проектов типа мобильного музея истории Филадельфии, вовлекающего местное сообщество в создание выставок и депозитария памяти о локальном прошлом [34], до огромных цифровых коллекций документов и материалов, посвященных важнейшим событиям, наподобие цифрового архива памяти о катастрофе 11 сентября 2001 г., включающего около 150 тыс. единиц хранения [42].

---

¹ Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Американские историки перестали быть просто «специалистами по прошлому», сегодня они активно вовлекаются в работу над разрешением трудных проблем, связанных с наследием прошлого. Прежде всего это работа по устранению расового, гендерного и классового неравенства, установившегося в обществе. В отличие от традиционной истории элит и «белого мужчины из среднего класса» публичные историки помещают в центр своего внимания маргинализированные и подавленные группы (*subalterns*), локальные сообщества, обычного человека, о котором никогда ранее не упоминалось в национальной истории. Примером такой борьбы историков является широкая кампания в поддержку афроамериканцев [43], спровоцированная беспорядками в городе Балтиморе в 2015 г. Публичные историки показывают, что подобные конфликты в значительной мере обусловлены установившимся расовым неравенством, о котором свидетельствуют, в частности, экспозиции музеев и учебники истории, где роль цветного населения Америки, по сути, замалчивается [10]. Таким образом, сегодня публичные историки институционализировали свое участие в решении проблем гражданского общества и формировании публичной повестки Америки.

Между тем присутствие историков в публичном пространстве не всегда было таким заметным, каким оно стало в последнее десятилетие, а их профессиональная деятельность имела совсем другую направленность. Американская публичная история формировалась в начале 1970-х гг., ее возникновение было следствием двух факторов. Первым из них явилась потребность найти новые ниши на рынке труда для профессиональных историков в связи с кризисом роста университетов. Главными идеологами воспитания историков-практиков не для академии были Роберт Келли и Весли Джонсон, которые во второй половине 1970-х гг. организовали «Национальный совет по публичной истории» (*National Council on Public History, NCPH*), журнал «Публичный историк» (*The Public Historian*) и соответствующую магистерскую программу [25, p. 168]. Идея публичной истории, как ее видели Келли и Джонсон, состояла в том, что историк может широко использовать свои навыки вне академии, в работе с бизнесом, частными лицами, музеями, администрациями разного уровня для создания квалифицированных исторических описаний, для архивных разысканий или просто консультаций [26, p. 16, 19; 13, p. 6–7].

Вторым импульсом к возникновению публичной истории стало желание многих историков восстановить утраченную связь между репрезентацией прошлого в профессиональной историографии и его восприятием обычными людьми [5, p. XI]. Наибольшую активность здесь проявляли радикальные историки «новой волны» [1], которые с 1960-х гг. ожесточенно критиковали традиционный исторический нарратив и политику исторического образования [18, p. 44]. В своих работах они показывали, что разные группы людей видят прошлое не так, как его представляют консервативные ученые или политики, и настаивали, что история — знание прежде всего социальное, и поэтому оно должно быть полифонным, отражающим голоса разных социальных и этнических групп [4, p. XVI; 41, p. 4].

Однако нельзя сказать, что эти два импульса совпадали и что идеологи обоих течений имели общие взгляды и устремления. Келли и Джонсон не разделяли социальный пафос радикальных историков и были скорее равнодушны к критике социального неравенства, радикалы же, напротив, активно критиковали «новых публичных историков», рассматривая их как службу власти или коммерческих интересов бизнеса, что считали неприемлемым для историка и интеллектуала [17; 18]. Что бы ни было решающим фактором формирования публичной истории, коренилась ли она в левых настроениях конца 1960-х гг. или в кризисе трудового рынка, результатом ее возникновения стала работа историков по переосмыслению своей деятельности и традиционной позиции в обществе, своей роли в формировании более справедливого общества, в решении социальных проблем.

7

Сближение с широкой аудиторией американские публичные историки начали с критики традиционной историографии, поскольку исследовательский интерес ученых не соответствовал интересу широкой публики, а стиль письма историков был традиционно труден для восприятия обычными американцами. Вместо априорного утверждения важности социально-экономических и политических процессов, институтов, событий было предложено говорить о прошлом, которое понятно и близко обычным людям [5, р. XVI]. Прислушавшись к голосам своей публики, историки обнаружили, что ее интересует прежде всего повседневное прошлое — то, как раньше жили и работали люди, как они строили свои семьи, отношения с соседями и другими горожанами [15, р. 5]. При этом выяснилось, что американцы имеют большой интерес к своему прошлому, но не государственного масштаба, а локального — к прошлому своей семьи и того места, в котором они живут [41, р. 12, 15–16]. Отдавая предпочтение такой истории «снизу», а не традиционным темам, публичные историки Америки поместили в центр своего внимания жизнь простых людей и сообществ [13, р. 4; 26, р. 28]. Кроме того, демократический пафос, изначально присущий этому течению, заставлял публичных историков обращать особое внимание на меньшинства и тех, чей голос на протяжении многих веков был исключен из публичного дискурса, — различные этнические сообщества (прежде всего индейские и афроамериканские), сексуальные меньшинства, женщин, профессиональные сообщества, бедняков и др. Профессиональные навыки историков нашли применение в сфере консультирования и оказания услуг, где заказчиками могли выступать самые разные лица, организации и сообщества. Работа публичных историков состояла в проведении архивных исследований и написании исторических текстов по заказу, они занимались культурным менеджментом и развитием исторического туризма, созданием новых музеев и экспозиций, работали над укреплением местных сообществ и т. д. [49].

Несмотря на то что часть публичных историков с самого начала осуществляла критический анализ репрезентации истории в публичном и медиапространстве (в кино, на телевидении, в книгах и журналах) [37, р. 21–53], характер производимого ими знания определялся в боль-

шей степени его практической направленностью и связью с организациями, которые выступали в качестве их работодателей, с конкретными сообществами и местами, где они обитали. В этом отношении американская публичная история, при некоторой схожести с европейской традицией изучения исторической памяти, отличалась слабым интересом к теоретическому осмыслению механизмов воспроизводства знания о прошлом. Прежде всего она была связана с проблематикой локальной истории. Уже в 1983 г. в журнале «Публичный историк» вышел номер, посвященный работе с локальной историей и местным сообществом [44]. Обращение публичных историков к городской тематике происходило здесь под влиянием запроса разных акторов на создание такого прошлого, которое связывало бы их с городом, районом, кварталом и формировало определенную идентичность. Такими заказчиками были общественные организации (парки, исторические места, дома-музеи), локальная администрация, бизнес, различные группы и сообщества, желающие установить свою связь с конкретным местом, регионом, городом [49, р. 24]. Местная администрация, заказывавшая написание истории города, преследовала такие цели, как развитие туристического потенциала города, укрепление местного сообщества, повышение спроса на культурные и образовательные услуги и т. д. [51, р. 13–14].

Нужно отметить, что в центре публичной истории всегда находились конкретные сообщества, люди или организации, выступавшие своеобразной призмой для взгляда на город, страну или общество [51, р. 16]. Связи между обычными людьми и создают город, определяют его историю, которая помогает жителям обрести и поддерживать идентичность и связь с согражданами [28, р. 92]. При этом территория, ландшафт присутствуют скорее как фон, пространство локализации группы — они всегда находятся в кадре, но почти никогда в фокусе. Место не рассматривалось вне людей, населяющих его, вплоть до начала 2000-х гг. оно имело скорее подчиненную роль — город выступал как часть сообщества, как материальное выражение его прошлого. Так, Рой Розенцвейг и Элизабет Блэкмор в книге «Парк и люди», признавая возможность *другой* истории парка, изначально оговаривают, что их она интересует из перспективы его посетителей, строителей, пользователей. С их точки зрения, историю Центрального парка Нью-Йорка конституируют социальные отношения внутри этого пространства и города в целом [40, р. 3].

Однако с 1990-х гг. можно говорить о пространственном повороте, произошедшем в рамках публичной истории. Возможно, первым из американских публичных историков, кто в своих исследованиях целенаправленно проблематизировал значение места в памяти его жителей, был Дэвид Гласберг [14]. Он отличался от других публичных историков интересом к смежным дисциплинам и теоретической литературе. В своей главной работе «Чувство истории: место прошлого в американской жизни» (*Sense of History: The Place of the Past in American Life*) Д. Гласберг делает вопрос о месте одним из ключевых для публичной истории

и рассматривает его в совокупности отношений между жителями, их памятью о прошлом и местом жизни [15, р. 111]. По мнению автора «Чувства истории», публичных историков от традиционных отличает интерес к месту, пространству и среде, в которой живут люди. Если профессиональные историки в первую очередь интересуются социальным, экономическим и политическим, игнорируя специфику конкретного места, то работы по публичной истории начинаются с вопроса о «месте» (городе, поселении), в котором живут разные группы людей.

Дэвид Гласберг рассматривает значение места для его жителей через восприятие образа этого места, поэтому в центре его внимания оказывается формирование этого образа и особенности его восприятия жителями [15, р. 20, 31]. Он выделяет несколько факторов, которые формируют отношение жителей к месту. Во-первых, это индивидуальное психическое восприятие места, которое зависит от личного прошлого человека. Здесь он обращается к возрастной психологии и когнитивистике, показывая сначала, как формирование образа места связано с переживаниями, полученными человеком в период социализации, а потом — как сложившийся образ формирует восприятие города в течение всей жизни [15, р. 6, 112, 114]. Во-вторых, Гласберг указывает на роль внешних факторов, влияющих на формирование представлений о прошлом конкретного места. Одним из них является массовая культура, влияние которой особенно заметно в больших городах [15, р. 115–116]. Другим таким фактором он считает «коллективную память», в которой формируются и транслируются пространственные образы и образы прошлого, в ней же отражаются конфликты разных групп за продвижение своих интересов. Конфликты за власть запечатлеваются в городских ландшафтах, которые не хуже текстов повествуют о прошлых столкновениях и до сих пор существующих напряжениях в обществе, о вытеснении одних групп и доминировании других [15, р. 117]. Как нетрудно заметить, здесь автор обращается к традиции критической географии, где пространство осмысливается и рассматривается через существующие в данном месте конфликты между группами и сообществами, которые его населяют, через отношения между ними.

Дэвид Гласберг противопоставляет образ пространства, который формируется у местных жителей, тому, что используют и тиражируют бизнес, власть, массмедиа, — здесь он опять апеллирует к критической социологии, разоблачая существующее неравенство прав на память. Вместо единого парадного и «туристического» образа места он отстаивает необходимость сохранения разных памятей о месте, которые будут показывать присутствие в публичном пространстве города всех групп его жителей [15, р. 123].

Идеи Дэвида Гласберга о «месте», его жителях и памяти о прошлом нашли большой интерес и отклик среди других публичных историков: как отмечал Джеймс Опп спустя десять лет, тематика «места» теперь плотно заселена историками, археологами, географами и социологами [32, р. 261], которые продолжают развивать это направление и демонст-

рируют интересные результаты. Гласбергу отдают первенство в проблематизации пространства в публичной истории, можно сказать, что его работа сделала популярным изучение пространства с точки зрения зафиксированной в нем памяти.

Однако подход к изучению этой темы, в дальнейшем получивший широкое распространение, не являлся изобретением ни Д. Гласберга, ни кого-либо другого из публичных историков. Он был заимствован у критических социологов и географов и распространился сначала среди исследователей архитектуры и городской истории (*Urban History*), а в 2000-е гг. проник в публичную историю. Осмысление места в этих исследованиях происходило более критично и радикально — тут уже не было апелляции к индивидуальному психологическому восприятию места, но все объяснение строилось через понимание ландшафта города как отражения отношений доминирования и вытеснения, существующих в обществе, распределения власти и ресурсов.

Наверное, главным проводником идей критического ландшафтоведения в публичной истории оказалась американская исследовательница Долорес Хейден — на ее опыт ссылаются почти все публичные историки, работающие в этом направлении, в том числе и Д. Гласберг [14, р. 21]. Традиция критического ландшафтоведения довольно старая, сама Д. Хейден опирается на труды Кевина Линча начала 1970-х гг. как одни из самых первых в этом направлении [20, р. 45]. В этом же десятилетии американские социологи города внесли в свою исследовательскую повестку вопрос о репрезентации власти в городе и необходимости демократизации городского пространства, поскольку современный город отражает только вкусы и потребности элит, а не простых жителей [20, р. 45].

Главный труд Д. Хейден «Власть места: городской ландшафт как публичная история», который был опубликован в 1995 г., оказался для многих исследователей отправной точкой для переосмысления пространства (см. об этом: [33, р. 91]). В этой книге были собраны и заново артикулированы основные идеи автора, высказывавшиеся в статьях 1980–1990-х гг. В качестве проблемы Хейден определяет неравенство, присутствующее в пространстве, истории и культуре города, где, по ее мнению, не представлены чернокожие, рабочие и женщины, составляющие большинство населения [21, р. 6–7]. Выход она видит в более справедливом переустройстве города, диверсификации его культурной политики и написании истории с участием всех групп и идентичностей. Разнообразие и многоголосие публичной культуры и истории в городе может способствовать укреплению городского сообщества в целом. Достичь этой цели можно, если справедливо переустроить прежнее пространство, чем должны совместно заниматься архитекторы, социологи, историки, менеджеры культурного наследия и др.

Большую роль в переустройстве городских пространств Д. Хейден уделяет публичной истории, которая должна создавать в пространстве города разные исторические нарративы, способствующие включению всех жителей в единое сообщество [21, р. 8–9]. Сила места, по уверению

Д. Хейден, в том и заключается, что оно способно формировать вариативную память о прошлом и воспитывать гражданскую идентичность [21, р. 11]. Таким образом, в общей связке оказываются актуальное пространство города, его локальная история и проект создания инклюзивной гражданской среды в городе.

Интерес публичных историков к идеям Д. Хейден совпал с процессами, происходившими внутри самой публичной истории, в дальнейшем изменившими ее приоритеты. В практике публичной истории к середине 1990-х гг. произошел сдвиг от работы с частными заказчиками к работе с публичными организациями и образовательными учреждениями — музеями, местами памяти, объектами исторического наследия [47]. Изменение тренда хорошо прослеживается на примере главного журнала американских публичных историков «Публичный историк». Особенно популярны стали темы, связанные с исторической памятью, что, по мнению Отиса Грэхема, могло объясняться долгой геттоизацией многих областей — женской истории, истории меньшинств и окружающей среды [16, р. 9]. Во второй половине 1990-х гг. в журнале уже почти не появляются статьи, посвященные работе публичного историка с частными заказчиками [45; 46].

Вместе с интересом к исторической памяти в публичной истории усиливается критический пафос [9, р. 13], и в 1996 г. выходит целый номер, посвященный проблеме присутствия / отсутствия в публичном дискурсе США прошлого коренного населения Америки [47]. К началу 2000-х гг. эта тенденция окончательно укрепились и стала доминирующей: в 2001 г. увидел свет номер, посвященный изучению прошлого и настоящего расовых и этнических меньшинств в городах Америки, где рассматривались жизнь латиноамериканцев в Бостоне и Вашингтоне, испанское наследие и культура мексиканцев Нью-Мехико и другие подобные темы [48]. В последующие годы внимание к проблемным местам прошлого городов и к замалчивавшейся прежде «неудобной» памяти лишь усиливалось — колониальное прошлое и сохраняющееся напряжение, связанное с расовым вопросом, стали постоянной темой на страницах журнала [8; 19; 35; 50; 52]. Так произошла переориентация публичной истории от прикладных исследований к проблематике, связанной с социальным и этническим неравенством, которое обнаруживалось повсюду — как в популярных исторических нарративах, так и в повседневном городском пространстве. Разрешение противоречий и напряжения, возникающих между разными участниками городской жизни в результате продолжительного доминирования одних и подавления других, стало центром приложения сил публичных историков [36, р. 8–9].

С середины 2000-х гг. в публичной истории появляется новый тренд — к критике неравенства и вытеснения добавляется мысль о необходимости вовлекать местные сообщества и отдельных его представителей в написание истории того города или места, в котором они живут. Нельзя сказать, чтобы эта идея была абсолютно новой для публичных историков, ее можно обнаружить еще на заре появления публич-

ной истории [17, р. 166–167; 18, р. 42–43], но тогда это направление, вероятно из-за неприятия левых идей американским историческим мейнстримом, не стало главным в работе публичных историков. Причиной случившихся изменений явилась, скорее всего, смена ориентиров образовательной политики США в области гуманитарных и социальных наук – Элизабет Линн утверждает, что в 2000-х гг. началась эра вовлечения гражданского общества (*civic engagement*) в образовательные и исследовательские проекты гуманитарных и социальных дисциплин [30, р. 15]. В свою очередь, этот тренд был вызван желанием политиков придать деятельности исследователей в большей степени прикладной характер, связать их работу с нуждами местных сообществ, которые содержат их за счет своих налогов [29, р. 2; 39]. Вместе с тем данная идея хорошо вписывалась в утвердившуюся в это время в гуманитарных науках концепцию культуры участия (*participatory culture*), связанную с развитием культуры web 2.0 и основанную на идеях сотрудничества профессионалов и непрофессионалов в создании интеллектуальной продукции [24]. Налаживание диалога между историками и их аудиторией в форме организации совместных обсуждений и обмена мнениями о тех или иных событиях и местах прошлого должно было привести к появлению разных исторических нарративов в публичном пространстве и способствовать развитию общественного диалога и гражданского участия [6].

Одной из первых работ, написанных в духе *civic engagement* и появившихся на страницах «Публичного историка», стала статья Эндрю Харли «Повествование о городском порте», в которой была охарактеризована возможность использования потенциала публичной истории для оживления пришедшего в упадок городского сообщества [23]. Главную задачу автор видел в том, чтобы спровоцировать жителей заняться переосмыслением своей истории – заменить устоявшийся элитистский нарратив прошлого более подходящим повествованием, рассказывающим о жизни простых людей [23, р. 20]. Такая совместная работа историков и горожан способствует сплочению жителей с разным бэкграундом, связывает их с городом и создает чувство социального единства, что в результате ведет к оживлению локальной жизни [23, р. 21]. Во второй половине 2000-х гг. статьи с описанием коллаборации историков с местными сообществами появляются на страницах «Публичного историка» регулярно [12; 27; 31]. В 2008 г. рассматриваемая тема стала ведущей на страницах одного из номеров [6], в 2009 г. в блоке статей, посвященных переосмыслению волнений в Балтиморе в 1968 г., эти события осмыслились с перспективы и с участием местного сообщества [7].

На сегодняшний день множественность исторических повествований, демонстрирующая присутствие в публичном пространстве разных групп и идентичностей, стала одним из основных требований к работам публичных историков. Так, в сборнике «Люди и их прошлое. Публичная история сегодня» сразу несколько статей были посвящены проблеме присутствия / отсутствия разных исторических нарративов в

публичном пространстве города, конструированию людьми в этом пространстве своих «историй», а также описанию реализованных проектов по созданию инклюзивной городской среды, организации музеев и выставок, которые приглашали бы посетителей поучаствовать в создании совместной истории, памяти, интерпретации прошлого [33].

Идеи критического ландшафтоведения (*critical landscape studies*), демократизации городского пространства и вовлечения локальных сообществ в историописание стали мейнстримными для публичной истории, распространившись затем и на археологию, которая сегодня тоже обратилась к исследованию конструирования пространства в соответствии с существовавшей в прошлом системой культуры и распределением в ней власти [11, р. 177, 179]. Аксиомой для таких исследований является то, что зафиксированные в ландшафте культурные смыслы отражают существование сразу нескольких перспектив прошлого. Стоит отметить, что произошло переосмысление в этом же русле и пространства природных парков с древними поселениями, в котором память о коренном населении Америки была вытеснена переселенцами из Европы [32]. В конце концов ресурс публичной истории было предложено использовать для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в традиционно неблагополучные районы города, сделав их центрами культурного притяжения, включив их жителей в работу по переосмыслению исторического наследия города [22, р. X].

Таким образом, публичные историки не просто предложили своей аудитории более понятный и близкий тип повествования о прошлом, но стали активными участниками построения более справедливого общества через выявление в нем проблем, осмысление путей их решения и вовлечение вытесненных сообществ в создание все более многоголосой публичной сферы.

Список источников и литературы

1. *Махов А. С.* Рой Розенцвейг: делая историю публичной // Диалог со временем. 2013. №43. С. 180–189.
2. *Савельева И. М.* Публичная история: дисциплина или профессия // Науки о человеке: история дисциплин. М., 2015. С. 421–451.
3. *Anderson R.* Mobile history: Bread and community // Public History Commons. 2013. 23 Oct. URL: <http://publichistorycommons.org/mobile-history-bread-and-community/#more-3914/> (дата обращения: 22.03.2016).
4. *Benson S. P., Brief S., Rosenzweig R.* Introduction // Presenting the Past. Philadelphia, 1986. P. XV–XXIV.
5. *Benson S. P., Brief S., Rosenzweig R.* Preface // Ibid. P. XI–XII.
6. *Bergstrom R.* Engaging History // The Public Historian. 2008. №1. P. 7–8.
7. *Bergstrom R.* Introduction // Ibid. 2009. №4. P. 11–12.
8. *Blatt M.* Boston's // Ibid. 2003. №2. P. 11–16.
9. *Brown J. P.* History in an Era of Change // Ibid. 1996. №3. P. 11–22.
10. *Brown A.* Another case for museums as public forums // Public History Commons. 2015. 15 Apr. URL: <http://ncph.org/history-at-work/another-case-for-museums-as-public-forums/> (дата обращения: 22.03.2016).
11. *Chan A.* Translating archaeology for the public // International Journal of Heritage Studies. 2011. Vol. 17, №2. P. 169–189.

12. Crosby S.P. Public Policy and the History Collaborative // *The Public Historian*. 2010. №2. P. 82–89.
13. G.W.J. Editor's Preface // *Ibid.* 1978. №1. P. 4–10.
14. Glassberg D. Public History and the Study of Memory // *Ibid.* 1996. №2. P. 7–23.
15. Glassberg D. *Sense of History: The Place of the Past in American Life*. Amherst (MA), 2001.
16. Graham O.L. The Organization of American Historians and Public History. A Progress // *The Public Historian*. 1996. №3. P. 7–10.
17. Green H. A Critique of the Professional Public History Movement // *Radical History Review*. 1981. №25. P. 164–171.
18. Grele R. Whose Public Whose History // *The Public Historian*. 1981. №1. P. 40–48.
19. Hauptman L.M. Going Off the Reservation: A Memoir // *Ibid.* 2003. №4. P. 81–94.
20. Hayden D. Placemaking, Preservation and Urban History // *Journal of Architectural Education*. 1988. Vol. 41. P. 45–51.
21. Hayden D. *The Power of Place: Urban Landscapes as Public History*. Cambridge (MA), 1995.
22. Hurley A. Beyond preservation – using public history to revitalize inner cities. Philadelphia, 2010.
23. Hurley A. Narrating the Urban Waterfront: The Role of Public History in Community Revitalization // *The Public Historian*. 2006. №4. P. 19–50.
24. Jenkins H., Clinton K., Purushotma R. et al. *Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century*. Chicago, 2006.
25. Johnson G.W. The Origins of The Public Historian and the National Council on Public History // *The Public Historian*. 1999. №3. P. 167–179.
26. Kelley R. Public History: Its Origins, Nature and Prospects // *Ibid.* 1978. №1. P. 16–28.
27. Kijas J. Same Place, Different Views: Exploring the Wilsons River Story Sites Community History Project // *Ibid.* 2010. №2. P. 51–60.
28. Landorf C. Public History: A Sense of Identity and a Sense of Place // *Oral History*. 2000. №1. P. 92–102.
29. Levine P. Foreword // Lynn E. *An Ongoing Experiment*. P. 1–4. URL: <https://www.kettering.org/sites/default/files/product-downloads/An-Ongoing-Experiment1.pdf> (дата обращения: 22.03.2016).
30. Lynn E. *An Ongoing Experiment: State Councils, the Humanities, and the American Public* [2013]. URL: <https://www.kettering.org/sites/default/files/product-downloads/An-Ongoing-Experiment1.pdf> (дата обращения: 22.03.2016).
31. Mirabal N.R. Geographies of Displacement: Latina/os, Oral History, and The Politics of Gentrification in San Francisco's Mission District // *The Public Historian*. 2009. №2. P. 7–31.
32. Opp J. Public history and fragments of place // *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 2011. №2. P. 241–267.
33. *People and their Pasts. Public History Today* / ed. P. Ashton, H. Kean. L., 2009.
34. *Philadelphia Public History Truck*. 2014. URL: <http://phillyhistorytruck.wordpress.com/> (дата обращения: 12.10.2014).
35. Plane M. Cities of History // *The Public Historian*. 2003. №2. P. 7–8.
36. Plane M. On Pulling Together Historians, Citizens, and Collaboration // *Ibid.* 2002. №1. P. 7–10.
37. *Presenting the Past: Essays on History and the Public* / ed. S. Porter Benson, S. Brier, R. Rosenzweig. Philadelphia, 1986.

38. *Public History Commons*. 2014. URL: <http://publichistorycommons.org/> (дата обращения: 12.10.2014).

39. *Rizzo M.* Finding the roots of civic engagement in the public humanities // *Public History Commons*. 2014. URL: <http://publichistorycommons.org/finding-the-roots-of-civic-engagement/> (дата обращения: 12.10.2014).

40. *Rosenzweig R., Blackmar E.* The park and the people: a history of Central Park. Ithaca (N. Y.), 1992.

41. *Rosenzweig R., Thelen D.* The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. N. Y., 1998.

42. *September 11 Digital Archive* // Roy Rosenzweig Center for History and New Media and American Social History. 2002–2016. URL: <http://911digitalarchive.org/> (дата обращения: 25.03.2016).

43. *Shopes L.* Responding to Baltimore: A role for public historians? (Part 1) // *Public History Commons*. 2015. 14 May. URL: <http://ncph.org/history-at-work/responding-to-baltimore-part-1/> (дата обращения: 25.03.2016).

44. *The Public Historian*. 1983. №4.

45. *The Public Historian*. 1995. №4.

46. *The Public Historian*. 1996. №1.

47. *The Public Historian*. 1996. №4.

48. *The Public Historian*. 2001. №4.

49. *Turrentine J.W., Russell D.E.* Practicing Public History: A Conversation with W. Turrentine Jackson // *The Public Historian*. 1998. №1. P. 20–48.

50. *Weyeneth R.R.* The Architecture of Racial Segregation: The Challenges of Preserving the Problematical Past // *Ibid.* 2005. №4. P. 11–44.

51. *Williams J.A.* Public History and Local History: An Introduction // *Ibid.* 1983. №4. P. 7–16.

52. *Young A.F.* Revolution in Boston? Eight Propositions for Public History on the Freedom Trail // *Ibid.* 2003. №2. P. 17–41.

Об авторе

Александр Сергеевич Махов — асп., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», стажер-исследователь ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва.

E-mail: amakhov@hse.ru

About the author

Alexander Makhov, PhD student, National Research University Higher School of Economics, School of History; Research Assistant, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, NRU HSE, Russia.

E-mail: amakhov@hse.ru